Б 1130/25

Сочинен. Вольного Общинника Григория.

В130 25

Как надо устроить крестьянское хозяйство и как нам следует устроить вольную жизнь.

ИЗДАНИЕ
Анархического Книгоиздательства
„Вольное Братство".
ХАРЬКОВ. 1920.

735432

Как надо устроить крестьянское хозяйство.

Крестьяне должны взять в свое владение все помещичьи, казенные и удельные земли. Эти земли надо обрабатывать сообща—общим хозяйством или по справедливости, никого не обделяя, разделить по душам.

Кое-где в волостных комитетах да и в сходах богатенькие крестьяне, кулаки да мироеды поговаривают, что крестьяне несправедливо сделали, отобрав землю, скот, усадьбу и все хозяйство и обзаведение у дармоедов—помещиков и передав все это труженикам, обрабатывающим землю своими трудами.

Справедливо это сделано. В старину вся земля принадлежала крестьянам, но землю насильно собрали от них князья да бояре, цари да дворяне, а самих крестьян сделали своими крепостными везде, где только смогли поработить их. А теперь вот правда над кривдой верх взяла и земля опять крестьянству отошла.

Говорят еще, что нѣкоторые помещики да купцы купили землю. Это все равно. На трудовые деньги больше пяти десятин не купишь, так эти десятины никто отбирать не будет. А купецкие да помещичьи капиталы, на которые покупались десятки да сотни десятин земли, нажиты не трудом капиталистов. Богачи собрали капиталы, обирая крестьян да рабочих, а награбленное вернуть—справедливо, у кого бы оно не находилось. Да и работать на земле имеют право только те, кто желает приложить к ней свои руки, свой труд, а не труд батраков или семщиков на года.

Теперь, когда революционеры прогнали царя, а потом Керенского и его друзей купцов, вы, крестьяне, являетесь полными хозяевами своей жизни и можете ее устраивать, как вам хочется. Надо только беречь все свое добро, не рубить зря леса, не портить садов и всякого хозяйственного обзаведения, машин и прочего. Надо помнить, что все это теперь—ваше и пригодится вам для лучшей жизни.

От вас самих зависит устроить жизнь так, чтобы быть вполнѣ счастливыми.

Где бы вы не жили, вы знаете, что большинство русских крестьян имело землю въ мирском, общинном владении. Каждый двор имел право пользоваться отведенной ему землею только до передѣла. Эту землю нельзя было продавать и закладывать на сторону. Хорошо было что крестьянин знал, что никакие плохие обстоятельства не лишать его и его детей земли.

Все таки почти повсюду крестьяне работали в одиночку, отдельными семействами. То неурожай, то болезнь работника, то падеж скота, то пожар, то какое-нибудь другое несчастье разоряли то одного, то другого крестьянина, ведущего свое хозяйство в одиночку. Отдельному хозяйству трудно, а то и невозможно купить хороший плуг или рядовую сеялку, а тем труднее было купить молотилку. Продавал крестьянин хлеб и масло и яйца по мелочам и втридешево, а ежели что покупал для жизни или для хозяйства, то покупал втридорога.

Но в некоторых деревнях крестьяне сообразили, как надо устроиться и не делили землю по душам, а сообща, всей деревней пахали, боронили, сеяли, жали, молотили хлеб. У них не пропадала земля под межами, если и выпадал град или дождь полосой, то только небольшой убыток приходился на каждого домохозяина.

Сообща деревня могла приобрести не плохенькие сохи, а хорошие многолемешные плуги. Сеяли хлеб не руками, как сеяли раньше отдельные хозяева или отрубники, а рядовыми сеялками, купленными всей де-

ревней. Зерно ложилось правильно одно от другого, да и времени на посев затрачивалось гораздо меньше. Сообща всей деревней покупали, где было ровное поле, жатвенную машину. В компании работа шла быстро, дружно и весело. Ведь известное дело,—один и у каши не спор, а в поле выедет, не много наработает. А артельная работа—веселая работа.

Несколько деревень сообща покупали хорошую молотилку и поочереди, чище, чем цепами, и много скорее, молотили хлеб.

Сенокосов не делили по душам, а сообща, всем миром косили, сушили и собирали сено.

Собранные хлеб и сено делили между собой по душам или по работникам, давая и на подростков и на малолетних детишек.

Никто из крестьян не боялся, что разорится его хозяйство.

Так-то устраивались некоторые деревни, когда царское начальство чинило им всякие препятствия, а теперь устроиться таким образом много легче, да к тому же во многих местах крестьянству перейдут помещичьи плуги, сеялки, молотилки, скот и прочее хозяйственное обзаведение. Не придется покупать все это.

Надо сразу заводить общее хозяйство, как на помещичьей, так и на своей надельной земле, а не делить помешичье обзаведение по дворам и душам. При дележке по немногу достанется на каждый двор. Не обойдется дележка и без ссоры и неприятностей, а крестьянская сила—в единении.

В некоторых больших имениях помещичье хозяйство было поставлено очень хорошо. Поля разбиты на много равных частей и на каждом таком поле сеят разные хлеба, корневые и другие растения, при чем ежегодно меняют сорта посеянного на одном и том-же поле. Это делается по строго соблюдаемому порядку так, чтобы не пустовал ни один кусок земли и чтобы земля давала как можно больше урожая и в то же время сама не обессиливалась. Это называется плодопе-

ременной системой. В таких имениях имеется все для того, чтобы и далее вести такое хозяйство: имеется и скот, и орудия труда, и семена. Взяв такое имение, не надо делить землю на части, а окрестныя селения должны обрабатывать ее в этом имении вольной общиной —коммуной, своим трудом, без найма батраков.

Но и любой деревне—прямой рассчет устроиться вольной общиной. Тогда у крестьян будут и хорошие плуги и рядовыя сеялки и сенокосилки и другие дорогие сельские орудия труда, которых отдельные хозяйства купить не могут.

Устроить вольную общину, это значит сообща возделывать землю, огороды, собирать хлеб и сено. Крестьяне—вольные общинники—устроят общие амбары, где бы хранился общий хлеб, устроят общий погреб для картофеля и овощей. Из этих складов каждому домохозяйству надо отпускать сколько надо для жизни, всем одинаково.

В наших деревнях у каждого двора свой хлев для рогатого скота, коров, свиней и прочего скота, отчего везде запах и смрад, а вольная община отдельно от изб может устроить общий скотный двор для всей деревни и устроить его много лучше, чем устраивают отдельные хозяйства.

Если у какого помещика окажется оборудованное молочное хозяйство, то вольной общине следует взять его себе и продолжать вести это дело сообща. Тем же вольным общинам, около которых нет таких хозяйств бывших помещиков, надо устроить такие молочные хозяйства и тоже сообща вести их. Тут тоже придется устроить общий скотный двор, что всегда обойдется дешевле, чем постройка таких дворов и хлевов при каждом хозяйстве. И помещение для скота будет лучше и уход за ним потребует меньше времени и может быть лучше, чем в отдельных хозяйствах.

Устраивая вольную общину, мир должен озаботиться, чтобы у каждой крестьянской семьи было светлое, просторное и удобное помещение; чтобы у всех было достаточно обуви, одежи.

Надо устроиться так, чтобы каждый работал по силе и совести и получал сколько ему требуется для хорошей жизни.

Можно даже не варить обеда в каждой семье, а устроить целой деревней харчевую артель. Положим, что в деревне проживает 100 семейств и вот сто крестьянок ежедневно заняты приготовлением завтрака, обеда и ужина, а в вольной общине, если будет устроена общая столовая, все это будет приготовляться много меньшим числом женщин, по очереди. Можно и так устроиться, что обед будут готовить самые лучшие поварихи, хорошо знающие, как готовить вкусный обед и любящие заниматься этим делом. Сообща обедать веселее, чем порознь, но если кто хочет готовить обед на дому, препятствовать этому не надо.

Во время летних работ, маленькие дети остаются в наших деревнях на детей, которые немного постарше малышей и на слабых старух. От этого случается много несчастий: то старуха недосмотрит и ребенок влезет на скамью, свалится с нее и наживет горб, то старшенькая девочка отлучится, а свинья искусает, а то и съест ребенка, то гусак в глаз ему клюнет и он окривеет. В вольной общине ничего такого быть не должно и не будет. У крестьянок будет больше свободного времени и всегда из них можно найти таких, которые захотят присматривать за детьми и их можно будет оставлять в деревне, присматривать за ребятишками. Больные общинники смотрят на каждого ребенка как на своего: „наши дети“,—говорят они о всех ребятишках и одинаково заботятся о всех них, хотя бы были и внебрачныя дети. Вся община смотрит за тем, чтобы всем детям дать образование и воспитать из них хороших людей.

И прежде крестьянское общество зачастую не бросало на произвол судьбы стариков, которые не могли прокормить себя своими трудами, заботилось также о вдовах с малыми ребятами и о сиротах оставшихся без родителей.

В вольной же общине эта помощь будет не малой, а настоящей помощью. В вольной общине каждый заботится о всех и все—о каждом. В ней нет ни бедняков, ни больших богачей, а все живут равно, а чем дальше идет время, тем все больше и больше богатеет вольная община и все вольные общинники. Так же, как и все, живут и старики, и старухи, и вдовы, и сироты. Всякий, кто может, работает, а кто наработался на своем веку, с того и спрашивать нечего, а сироты придут в возраст тоже на всех будут работать и теперешних мужиков, когда они состарятся, кормить будут.

У вольных общинников нет „моей земли", „моего леса", но за то много „нашего": наш лес, наша земля, наши поля и луга, наш сад и наш огород, наша молотилка, наша сеялка, наша библиотека и так далее.

В вольной общине не бывает такого случая, чтобы девушка вышла замуж или парень женился не потому, что понравились друг другу, а потому, что за девушкой дают большое приданое или потому, что у парня много скота во дворе или большая изба или прикуплена земля. А ученые люди хорошо знают, что если дети родятся от родителей, которые пришлись друг другу по нраву и живут в любви и согласии, то эти дети будут и красивыя и способныя и талантливые, а если хоть один родитель не любит другого и родители вступили в брак не по любви, а по рассчету, то дети родятся глупенькими, а иной раз и уродцами, глухонемыми и даже слепыми.

Когда крестьяне хотят работать сообща и делиться сообща наработанным, давая каждому, сколько ему требуется, то нам говорят иной раз, что тогда никто не будет стараться, так как, без старанья у него все будет.

Но это не верное рассуждение. Всякий понимает, что люди на самих себя, не на помещиков, не на казну будут работать, что безделье будет для всех и для них самх невыгодно: все бедняками будут, если все друг за дружкой лентяйничать станут.

Да и совестно лентяйничать, когда другие товарищи работают. Приведем здесь следующий пример. Крестьяне одной деревни купили у помещика луг. Этот луг они не делили на полосы, а решили косить сообща. В эту деревню приехал горожанин—здоровый детина, но ранее никогда не косивший. И вот, когда крестьяне пошли всей деревней косить свой луг, и он пошел с ними и вызвался помочь им. Крестьяне обрадовались даровому косарю, дали ему косу и показали ему как косить.

Трудно было горожанину не отставать от настоящих косарей: пот градом катился с него, даже в глазах начало темнеть, а он все косил, пока не перестали косить крестьяне.

Что же заставило его так стараться? Ведь за эту работу, кроме спасибо, он ничего не получал: работал даром. Но ему не хотелось, чтобы крестьяне смеялись над ним: такой, мол, здоровый детина, а лодырничает, когда другие работают. Ему не хотелось быть плоше других и он стал работать. Желание быть не хуже других в особенности заставляет людей стараться при общественных работах, гдѣ каждый может показать свое уменье и старанье. Первый косарь пользуется в деревне почетом и уважением, как полезный человек, и другие косари стараются походить на него, не отставать в работе.

Встречаются и такие крестьяне, которые говорят нам, что люди не одинаковы по своим способностям и силам, что при общей работе лучший работник сделает больше слабаго и медлительного человека. С какой же стати, спрашивают нас, он будет делать больше, чем другие? Ведь это, мол, не справедливо. На это мы скажем, что все это пустые разговоры. Справедливо, если все и каждый одинаково старательно работают. А если один слабее другого, так это не его вина и нет заслуги у того, кто посильнее других уродился. Надо устраиваться так, чтобы всем было хорошо и удобно.

Даже купцы не всегда за грошем гоняются, а норовят, чтобы дело в общем ходе барыши давало. Есть

много трактиров, где брали за обед,—сколько не с'ешь щей и хлеба,—столько же, сколько с каждого. Один с'едал больше, другой меньше, но дело в том, что в такой трактир все шли и трактирщику было выгодно, что к нему много народа ходит.

В городах, на трамваях, берут одну и ту же плату и с того, кто хочет проехать одну станцию и с того, кто хочет проехать хоть десять станций, в другой конец города.

И тут нет рассчета за лишним грошем гоняться и людей отваживать.

А при общественной работе самый сильный получит столько выгод, сколько никогда не получил бы, если бы работал в одиночку. Тут и машины сообща завести можно и оптом, не по малости, хлеб или сено продать. Да и то в рассчет принять надо: нынче ты силен, а завтра заболел и слабее слабаго стал. А если ты всегда с миром работал, от мира не был откасчиком, то за тебя, больного, мир все сделает и все, что тебе надо, тебе дадут. И мало ли что может случиться: не тебя, так твоих ребятишек вызволят.

В единении—сила.

Верно только одно. Чем дружней вы будете жить, чем больше народа об'единится для большей работы, тем большего благополучия вы достигнете, но, понятное дело, силой нельзя заставлять присоединяться к себе тех односельчан, которые почему либо хотят устроиться отдельно. Позднее многие из них увидят, что дело хорошо идет у вас и сами пожелают присоединиться к вам.

Весь порядок жизни надо устраивать так, чтобы поменьше людей теснить, а лучше всего и все не теснить их.

Все старые дурные порядки надо уничтожить и завести новые, хорошие. Не надо и этой «ранчи—всякаго начальства:—стражников, урядников, становых, исправников, земских, старост, старшин. Самим надо решать все свои дела. Не надо ждать, что начальство

вам указывать будет, как жить надо, что оно вас облагодетельствует. Сами творите свою жизнь, обсуждая все, что надо, на своих сельских сходах.

У нас во многих губерниях ждут урожая в зависимости от того, пойдет или не пойдет дожчик: как говорится, ждут у моря погоды, если же несколько недель, и тем более месяц дождя не было, то на грядах и в поле от засухи все пропадает.

Крестьяне душой болеют, все на небо смотрят, а дождя нет как нет; тогда они молебен служат, с крестным ходом идут, но и это не помогает и часто, по причине засух, приходится бедовать и голодать русскому крестьянину, а всетаки ему не в домек, как горю пособить, а между тем, русския пословицы говорят: „На Бога надейся, а сам не плошай": „Бог-то Бог, да будь и сам не плох". Спрашивается, как же мы должны не плошать?

— А вот как. Устроить, где только можно, чтобы огороды, сады, поля и луга поливались водой из рек, озер или колодцев. На это нам скажут, что ведрами а большие огороды воды не наносишься, а в особенности на луга и поля; это верно, но где силой взять нельзя, там надобна уватка. Давно уже во многих местах устроили так, что вода из рек или озер, особо сделанными приспособлениями переливается на поля и луга. Во всех таких местах урожаи бывают большие, какие нашему крестьянину и во сне не снились. Все такия приспособления называются: „искусственным орошением" т. е. устроенной людьми поливкой.

Таких приспособлений очень много са их разнообразных от дешевых и простых, которыя легко смогут устроить несколько плотников в неделю на берегу реки или озера, до таких, больших приспособлений, соорудить которыя могут несколько сот, а то и тысячи человек в течение одного года, двух или нескольких лет

Эти приспособления устраивают в иных местах с помощью крыльев, как у ветряных мельниц, двигающиеся ветром, а в других на подобие водяных мельниц

или таким способом, чтобы одна или две лошади могли наливать воду подымающимися вверх черпоками, которые поднявшись вверх выливаются на желоб и по желобу стекает на гряды. В некоторых местах сама местность так устроена, что стоит ее немного приспособить и по всей местности можно сделать поливку, так, например: с горы бежит ручей, тогда от него стоит только провести трубы с кранами и везде, открыв кран и привинтив пожарный рукав можно отлично поливать все место, как поливают улицы в больших городах, где есть водовороты, а между тем такой ручей много сотень лет тек с гор, а внизу мучились без воды и не догадывались, как легко им устроить поливку всей местности.

У нас во многих местах есть такия большие болота, что и глазом нельзя все место окинуть и это там, где крестьяне нуждаются в каждом кусочке плодородной земли. Эти болота крестьяне могли бы, под руководством опытнаго по осушке болот, человека, осушить и обратить в самые плодородные луга, поля и огороды, но для этого нужна настойчивая, дружная работа целой деревни, а еще лучше целой волости. Как легче и каким способом можно осушить то или другое болото может указать человек, учившийся этому делу—инженер или агроном, к которым и необходимо обратиться за указаніем. Крестьянам не следует ни на минуту забывать, что произведешь осушку один раз, а пользоваться этим местом можно будет всегда, так что бояться не следует, что для этого дела нужно много поработать.

Ведь за это дело и дети и внуки и правнуки будут благодарить, да и сами работавшие крестьяне всю жизнь будут им пользоваться. Не думайте, что мы указываем, что-либо совершенно новое, напротив, во многих местах Россіи крестьяне делали все это, так, например: в Кубанской области около Екатеринодара крестьяне сообща построили в несколько лет громадную дамбу по берегу реки Кубани, благодаря чему устроили великолепное орошеніе. В Херсонской губернии около

гор. Николаева крестьяне устроили искусственное орошение. В Забайкалье составилась артель крестьян и устроила орошение пахотной земли и сенокоса. В Олонецкой губернии на Туксинской даче 800 крестьян в течение четырех лет осушили болото и получили роскошный сенокос. В Ярославской губернии, в селе Якимовском крестьяне прорыли канаву в пять верст длины и осушили болото. В Оренбургском крае крестьяне осушили болото 35—40 верст.

Мы советуем крестьянам, чтобы лучше с меньшим трудом и большой выгодой вести сельское хозяйство, послать в город нескольких грамотных и толковых крестьян, чтобы они прослушали курсы популярных лекций по огородничеству, скотоводству, птицеводству, пчеловодству (в городах люди ученые по сельскому хозяйству ясно толково об'ясняют это дело и обыкновенно в 30—40 вечеров многому научают людей, мало знакомых с этим делом; это и называется популярныя лекции). Там же можно ознакомиться, как обращаться с усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и узнать, какия орудия для какой местности и почвы более удобны, в каком климате и на какой почве лучший дают урожай те или другие растения и овощи, какие и для каких растений лучше удобрения.

Крестьянам надо также знать, что по всем этим предметам много есть просто и ясно написанных книжек и издаются даже газеты и журналы и многие из них написаны, так понятно, что всякий грамотный человек все что в них напечатано поймет. В Петрограде особенно известны два места, где и лекции читают и книги продают и где есть много книг, которые дают читать; это: 1) Сельскохозяйственный музей на углу Фонтанки и Пантелеймоновской улицы, вход с Фонтанки (Соляной Городок) и 2) Вольно-Экономическое Общество, угол Четвертой роты и Забалканского проспекта.

В оба эти места мы советуем обращаться за указаниями. От многих неразумных и темных людей вы услышите, что наши деды и отцы были умнее нас, а про-

жили без этих выдумок, проживем и мы.

Но, ведь прадеды и деды наши жили и в крепостной зависимости от помещиков и помещик мог по своему желанию, каждого из них сечь на конюшне, сколько ему угодно и хотя на бумаге не имел права засекать на смерть, но если и это случалось, то он за это совсем не наказывался—мол сам . . нанес убыток, засекши своего крепостного; не говорим уже о том, что помещики променивали целыя семейства на одну породистую собаку. Вот как жили наши деды. Если взять еще более древния времена, то над смертью и жизнью крестьянина помещик был полный хозяин и мог казнить своих крестьян хоть десятками. Ваши отцы и Вы сами, хотя и не были в денежной зависимости от помещиков и вообще от всех богачей и только теперь всю землю можете устроить, если сумеете очень хорошо, без того, чтобы вас убивали, секли или держали в денежной кабале. Если бы вы могли посмотреть на избы, в которых жили ваши прадеды, черные без печей, ниские и маленькие, все закопченные, только и можно в них было спать, да то тогда только, когда дрова перегорели и остался один жар, а потому дым не так сильно ел глаза.

Избы эти называются курными и их теперь можно увидеть, но только очень редко, а ведь более древнее жилище было еще хуже: тогда люди жили в землянках таких же курных, но в добавок еще и сырых; окон стеклянных совершенно не знали, а в других местах жили в избах, построенных на озерах на сваях. Платья такого, как мы, не носили а одевались в звериныя шкуры, так неужели мы теперь согласились так жить? Нет, мы теперь во многом стали лучше жить, чем жили наши прапрадеды. Для всякого ясно, жизнь людская улучшается, а теперь когда крестьяне стали полными хозяевами всей земли, когда никто им не мешает соединиться в большие крестьянские союзы, от них самих зависит, будут-ли они пахать землю никуда негодными сохами или же отличными многолемешными

плугами, будут-ли разбрасывать зерна руками или же конными сеялками, будут ли ждать крестьяне у моря погоды или же устроят себе умело поливку своих лугов и полей, осушат ли они болота и устроят прекрасные луга или будут заражаться вредными испарениями болот и нуждаться в кусочке земли.

Крестьяне устроятся хорошо и богато только тогда, когда все об'единятся, так как, что не посилам одному, то очень легко устроить целой деревней, а если соединятся несколько деревень, то устроить жизнь можно еще лучше, но только не ждите что к вам придут и устроят вашу жизнь другие люди, нет, устраивайте сами свою жизнь и не бойтесь никаких изменений, которые для вас будут полезны.

Так например всякому ясно, что паровой молотилкой лучше и скорее можно смолотить рожь, ячмень, овес, чем ручными цепами, а потому для этой цели необходимо об'единиться. Знайте, что во взаимной помощи и в единении – сила, все будущее ваше благополучие.

Разгневанный всякими неправдами русский народ недавно прогнал от себя царя и стал жить без него, а до того времени много сотен лет русские цари отбирали от всего крестьянства и рабочих одну треть их заработка. Отбиралось это в виде податей, налогов и разных акцизных сборов. На отобранные у народа деньги, цари, их семейства и все к ним приближенные ходили в шелках и бархате, ели на серебре да золоте; жили в таких хоромах, что только диву дивуваться, как там все было хорошо и богато. На отобранные же у народа деньги цари содержали войско, полицию и чиновников, с помощью которых порабощали и держали в своей власти народ. Войско цари брали из того-же народа, так что народ они держали в своей власти и обирали с помощью самого же народа до тех пор, пока народ не понял всего обмана и не прогнал царя. О народе цари только думали, как бы его покрепче опутать, чтобы он никогда не посмел бы бунтовать против

них и чтобы им и их детям всегда жилось бы привольно и богато.

Мало того, что цари отбирали одну треть всего заработанного народом, они еще помогали помещикам, купцам и священникам другую треть оттягивать у народа, так что народу оставалось на собственное житье только третья часть всего им заработанного. Вот почему помещики, купцы и священники могли так хорошо жить, хотя сами своими руками земли не пахали, вещей не делали, ткани не пряли, дома не строили а жили как сыр в масле катаясь, а крестьяне и рабочие, которые все это собственными руками сделали, жили бедно, во всем нуждаясь, в плохих избах в деревнях и в сырых подвалах в городах, бросая детей своих без призору на произвол судьбы, тогда как помещики, купцы и священники держали у себя мамок, кухарок, нянек, прачек, кучеров и много другой всякой прислуги. У самих царей и его семейства было тысячи человек прислуги, а у его приближенных десятки и сотни людей, смотря по тому, какое важное место они занимали.

Отбирая тысячи миллионов рублей у народа цари не позаботились даже учить народ грамоте и всему нужному, а оставляли его темным; помещики, купцы, фабриканты и чиновники тоже ничего в этом отношении не делали, а сами потом говорили, что простому не грамотному человеку, мол, меньше нужно а нам образованным людям—другое дело—мы не можем жить так, как простой темный нарид живет.

В тех же случаях, когда кто либо из народа или из правдивых, честных людей говорил что это несправедливо, неправильно, то таких людей хватали и сажали в тюрьмы и остроги а тех из них, кто задумывал раз'яснить все это самому народу казнили, ссылали на каторгу и там держали многие годы. Чтобы лучше народ обирать и за всем, что делается у народа зорко присматривать и во все дела, как крестьян, так и рабочих вмешиваться, цари держали много чиновников,

которым платили жалованье, отбирая на это деньги у народа же.

Русские цари часто ссорились с другими царями или иными правителями других народов и затевали с ними войну. Очень часто заступались за своих родственников немцев, так что немецкие цари с'умели образовать такие большие и сильные царства только при помощи русских царей и русскаго народа. Не одна сотня тысяч русских полегла на полях сражений, защищая немцев. И так, благодаря русским царям немцы стали такими сильными государствами, как это мы видим теперь, благодаря царям нашим немцы могли побить несколько миллионов русскаго народа и еще более покалечить и в плену заморить.

Мы знаем, что нам об'явили войну немцы. Как это случилось и почему; хотел ли этого немецкий крестьянин или рабочий?

Немецкие крестьяне и рабочие никогда не бросили бы свои земли, заводы и фабрики и не сказали бы своим заправилам: „давайте нам ружья, пулеметы и пушки; мы хотим отвоевать у русских несколько губерний, а у французов часть их земли". Никогда не делали этого ни немецкие, ни русские ни другие какие крестьяне и рабочие. Вспомните, как силой отнимали многих из вас от вашей родной семьи и уводили в солдаты; вспомните, как брали туда же ваших братьев и сыновей. Тоже самое делали и у немцев. Большинство из вас с горем, отчаянием прощалось со всеми своими близкими, уходя в солдаты и только боязнь наказания не позволяли вам бросить все и уйти домой. Тоже самое чувствуют и немцы и другие народы. Солдат всех государств держат в большой строгости и приучают повиноваться всяколу приказанию начальника, а за ослушание строго наказывают и в конце концов достигают такой муштровкой того, что солдаты, взятые из крестьян, по приказанию начальства стреляли в

своего же брата крестьянина за то, что крестьяне требовали того, чего вернувшийся в деревню солдат и сам стал бы требовать.

Войну об'являют цари, министры, генералы и важные чиновники, которые ждут от войны всяких для себя выгод. Очень рады бывают войне помещики купцы и фабриканты. Все они потирают руки от удовольствия в ожидании громадных барышей. Они знают, что во время войны можно на все поднять цены в десять раз выше обыкновенных. Крестьянам же и рабочим всех стран и народов от войны только смерть, калеченье, болезни, голод, холод и полная разруха всего хозяйства. Цари да и всякие народные правители пользуются войском не только для войны с другим народом, но так же и против своего народа, если какая нибудь его часть будет недовольно начальством и заправилами и станет, так или иначе показывать свое неудовольствие. Заправилы подумают, что это может угрожат им и не задумывались посылать войско на своих же, чтобы одолеть и уничтожать непокорных.

Чтобы между народами не было больше войны, для этого все люди должны понять, что убивать на войне человека хуже и безчестней, чем убить в гневе, в запальчивости в мирное время.

Убийство есть ужасное преступление, а не подвиг. Теперь нет никакой надобности людям жить, деляясь на государства, как Германия, Австрия, Россия и Франция; от этого только заправилы этих государств ссорятся и натравляют народ друг на друга. Нет никакой надобности границы государства охранять войсками и стеснять переезд людей из одного государства в другое. Не нужно и самого войска, так как сам народ с другим народом не захочет воевать, да и надобности в этом никакой нет. А нашим государством как и другими, в мирное время держалось в казармах больше полмиллиона войска. В каждом набирали из деревень и городов самых здоровых, молодых, сильных и полезных работников и держали их в казармах, где

они разленивались от безделия и учатся только тому, чтобы больше и ловчей убивать других же как и они людей, а для того, чтобы их прокормить, обуть и одеть, облагали народ всякими налогами, так что правители государств отнимали часть хороших работников, а оставшихся заставляли содержать их. Ссорятся, спорят между собою правители народов, а всякие газетные писаки, из которых очень многие готовы отца родного променять на кобеля или продать за ломаный алтын, науськивают заправил одного народа на другой, при чем, очень часто эти писаки бывают подкуплены лицами, для которых война барышное дело. Вот почему часто об'являются войны одним народом другому. Благо, те лица, которые об'явили войну не будут сами драться, а пошлют на бойню других.

Русский народ, освободившись от векового гнета царской власти, может, если сам того пожелает, устроить свою жизнь так, как ему это покажется лучше и удобнее. Раз мы начали заводить новые порядки, какие нам кажутся самыми удобными и хорошими, то будем выбирать и придумывать все сами лучшее. Постараемся разобраться, что в прежних порядках [illegible] для крестьянства неудобного, что не давало ему [illegible] бодно и счастливо жить. Хорошо будет, если мы найдем что либо в теперешних порядках дурное и изменим дурное на хорошее. При изменении порядков мы не будем бояться того, что тот или другой порядок много лет был у нас, а потому его нужно оставить, так как на нашей земле порядки много раз менялись. Когда-то, очень—очень давно предки наши не жили на месте, совсем не пахали и не сеяли, а имели большие стада различного скота, не имели и постоянных изб, а жили в палатках, кибитках и юртах, т. е. в жилищах, которые можно поставить на землю или собрать и уложить на воз и повести куда хочешь. Тогда люди переезжали с места на место вместе со своими стадами. Когда их стада всю траву поедят на одном месте, то они переходят на другое место.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Еще раньше—люди жили охотой на птиц и зверей и не умели делать даже переносных жилищ, а жили или в пещерах или на больших деревьях; одежи не носили, а прикрывались звериными шкурами. Деды и прадеды наши были крепостными, не свободными людьми, а мы свободные. Теперь настало для русского народа время снова все порядки переменить и на это указывали многие умные люди. Надо подумать об устройстве своей жизни и устроить ее так, чтобы трудовое крестьянство и рабочие на заводах и фабриках не работали-бы на дармоедов.

В ближайшие времена—третья часть всего народа ничего полезного для других не делала, а многие даже своими делами приносили крестьянству и рабочим большой вред. Теперь—часть дармоедов, какими были все помещики, народ перестал кормить, но все же еще и теперь на шее крестьянства и рабочих осталось достаточное число дармоедов. От них крестьянство само должно освободиться.

Часть из этих дармоедов были невольные дармоеды и только на некоторое время, как, например, солдаты и матросы в течение многих лет мирной жизни, пока их не отпускали домой. Другая часть дармоедов, это—богатые люди, живущие своими доходами с капиталов и ничего век свой не делающие. Это дармоеды постоянные, пока у них эти капиталы, до тех пор они трудиться не станут. Есть еще трудящиеся люди, да только труд их для трудового люда пропадает даром. Они как бы трудятся на ветер. Это те рабочие, которые делают пищу, одежду и жилища дармоедам или им прислуживают.

Мы обращаем особенное внимание наших читателей на тех людей, которых труд и работа не только бесполезна, а прямо вредна и приносит трудовому крестьянству одно зло и страдание, а между тем живут-то они на средства трудового народа. Такими людьми будут: большая часть чиновников, прежняя полиция, которая теперь названа милицией, судьи, вся-

кого рода тюремщики и палачи, как бы их назвали, да и все правители были-бы то царские или—теперь большевистские.

В особенности вредны, для народа тюрьмы с их тюремщиками, суды с их судьями, милиция, как обыкновенная, так и судебная.

Тюрьма—это школа, где случайно сделавший дурное дело человек переделывается в настоящего вора, где даже честный человек, неправильно по ошибке туда попавший, легко может обратиться в вора. Мелкие же воришки, пробывшие несколько месяцев в тюрьме в компании самых разнообразных мошенников и грабителей, под влиянием их переделываются в опасных грабителей, конокрадов и душегубов, разбойников.

Происходит это так: стянул-ли человек, голодая что-либо, или украл потому, что нужно было отопить холодную избу или купить для больной жены, ребенка или матери лекарство. Все равно такого вора поймали и посадили в тюрьму. Много попадает в тюрьму и совсем невинных людей, одни по наговору злых людей, другие по ошибке. Не даром говорит наша пословица: „От тюрьмы да от сумы не зарекайся". Все равно, как бы человек ни попал в тюрьму, там он встречается с заправскими ворами, мошенниками, грабителями и душегубами. Сначала, попавшему бывает страшно находиться в такой дурной компании, но уйти от нее он не может, а потом понемногу он со всеми знакомится. У каждого даже самого страшного разбойника и грабителя есть свои хорошие стороны. Между ворами и грабителями сильно товарищество. За время сидения невозможно не сблизиться с людьми, а под влиянием разсказов и всяких разговоров всей тюремной компании, человек, не очень твердый в хороших своих правилах, легко может от них отступиться. В особенности сильно действуют насмешки и подробные сообщения и рассказы о том, где и как тот или другой ловко совершил кражу. Как, кто-нибудь ловко обманул судей и вышел

после совершенного преступления сухим из воды. Эта ловкость во всем тюремном обществе встречает одобрение. Тут же учат, как нужно отвечать на суде, где сбывать краденное, рассказывают, как кто-либо сумел спрятать полученное краденное, как кто-либо награбил целое состояние и как это все было прокучено с товарищами, как они развратничали и все в таком же роде. Как ни дурны все эти рассказы, но ко всем им можно привыкнуть и они не будут казаться такими нехорошими.

Отбывший наказание и получивший свободу всегда попадает в тяжелое положение: бывшие знакомые и друзья отворачиваются и не хотят его знать. На работу ни на какую не принимают, а если, где и примут, то как только узнают, что сидел в тюрьме, то сейчас же отказывают. Туго приходится вышедшему из тюрьмы, хоть ложись да умирай. Злоба и обида возьмет каждого: „хочу мол честно заработать кусок, да никто не дает никакого заработка", а тюремные товарищи посылали к своим товарищам на свободе, таким же, как они ворам, снабдили адресами и письмами, в которых просят оказать помощь вышедшему. И вот, как не крепится вышедший из тюрьмы, но голод не тетка: приходится ему идти по указанным адресам к ворам, в их притоны, а там вновь прибывшего и накормят и обогреют и очень радушно примут, да только потом заставят заниматься такими же делами, какими они и сами занимаются. Таким-то путем люди из честных обращаются в воров, жуликов, грабителей и душегубов.

Тюремщики постоянно имея дело с ворами, грабителями и разбойниками не только не бывают лучше своих арестантов, а даже многие из них становятся, в конце концов, гораздо жесточе, бессердечнее самих арестантов. Тюремщики, имея в полной своей власти заключенных в тюрьмы воров и мошенников, очень часто выгадывают из определенного казной на них содержания в свою пользу некоторую часть, а потому содержат арестантов еще хуже, чем указано. Арестанты всегда это знают и с ненавистью относятся к своим

охранителям. Но если даже тюремщики и ничего себе не присваивали бы, то правила в тюрьмах до того строги, суровы и жестоки в отношении к заключенным, что всегда порождают между заключенными и их тюремщиками ненависть и вражду. Это две враждебные стороны, при чем тюремщики опираются на данную им по закону власть и на силу и применяют к заключенным самыя суровыя наказания за малейшее неповиновение или ослушание. Они хотят запугать, устрашить арестантов. Заключенные в свою очередь, при всяком представившемся случае мстят и стараются досадить, чем только могут, своим притеснителям, но так как вся власть в руках тюремщиков, то они арестованных морозят в карцерах, морят голодом и жестоко избивают. Очень часто жестокое истязание доводит заключенных до самоубийства или таких болезней, последствием которых бывает смерть, уже не говоря о полном расстройстве всего здоровья на всю жизнь. Очень часто, увлеченные злобой и сопротивлением арестованных, тюремщики забивают заключенных до самой смерти, которую начальство тюремщиков, чтобы не нажить себе неприятностей, скрывает или показывает, что смерть случилась от какой-либо болезни, но сами тюремщики знают, что они убили человека, который был в полной их власти и беззащитен.

Все вносит это в нравы тюремщиков и в нравы их семейств страшную жестокость. Не может человек на службе в тюрьме быть жестоким и суровым, а дома и в обществе стать мягким и добрым человеком. Напротив, он остается тем же и своим дурным жестоким характером портит нравы всего общества. Все это вносит между людьми, среди которых находятся тюремщики, дурные привычки и понятия. Не лучше тюремщиков становятся и судьи. Они так же, постоянно присуждая людей к наказанию и видя постоянно горе, слезы и отчаяние осужденных и их близких, под конец сами страшно черствеют и делаются жестокими и такие нравы распространяют вокруг себя и этим уве-

личивают среди людей жестокость и преступление.

Если бы люди затратили столько средств и усилий, какими затрачено на устройство судов, содержание судей, на устройство и содержание тюрем, на содержание бывшей полиции—теперешней милиции, на содержание сыщиковъ, на то, чтобы устранить те причины, которые создают воров, жуликов и убийц, то все такие поступки были бы у нас редким исключением. К преступникам нужно подходить не с судами, наказаниями, да тюрьмами, а с разузнаванием тех причин, благодаря которым они стали дурными людьми. Тут нужно участие, сожаление и помощь, чтобы свихнувшие стали на правильную дорогу, а очень часто—даже и совет доктора. Не даром мы русские считаем заключенных в тюрьмах несчастными и достойными сожаления и помощи.

Сторонники властей пугают тем, что везде есть много злых людей, ленивых и глупых и если не будет у нас милиции, тюрем, судей и всяких других властей, то всюду будет грабежи и разбои, но мы знаем, что никогда почти милиция или бывшая полиция не мешали ворам украсть, грабителям ограбить, а убийце убить, а если и бывают случаи, что вору или грабителю помешают украсть или ограбить, то это большей частью делают обыкновенные соседи или случайные люди, которые в это время около того места находились, где случился грабеж или воровство. И чем больше все люди приучают себя, где бы что ни случилось, дружно препятствовать всякому злому делу и ни на какую власть или милицию не полагаться, тем всему обществу и каждому в этом обществе человеку станет жить легче. Милиция и судья являются лишь тогда, когда дело сделано, а убитым и ограбленным не бывает легче от того, что потом грабитель или убийца будет посажен в тюрьму. Всему же народу от этого только лишняя тягота, так как содержать судей, милицию и тюрьмы стоит русскому народу за один год гораздо дороже, чем все воры могли бы накрасть и награбить за много лет. Не

понимающие люди говорят, что если воров не сажать в тюрьму, а убийц не ссылать на каторгу, то все станут воровать и убивать. Все это глупая выдумка: разве вы сами, ваши близкие и друзья пошли бы воровать и убивать людей, если бы узнали, что у нас перестали воров сажать в тюрьму, а убийц на каторгу. Так уничтожьте же суды, милицию и тюрьмы. Не допускайте, чтобы тюрьмы из честных людей делали воров, а мелких воришек обращали бы в грабителей и разбойников. В деревнях часто бывает, что вся деревня знает, что крестьянин Сидорович или Петрович немного не чисты на руку, но их терпят, а если у соседа, что либо из мелочей пропадет, то соседи соберутся и потребуют у Сидоровича или Петровича возврата утащенного. Они возвратят, тем дело и кончится, что его поругают. Смотришь, Сидорович или Петрович, хотя и были немного ворoваты, однако дожили в деревне крестьянами до глубокой старости и умерли покойно в деревне обыкновенными крестьянами, а попались бы они с такой же мелочью в городе, так их бы посадили бы в тюрьму, а тюрьма, как и многих других сделала бы их грабителями, да разбойниками.

Везде во всех государствах, в их столицах при царях и правителях всех стран имеются наши посланники или послы. Это люди, которым поручается наблюдать, чтобы в том государстве, куда их послали не распорядились бы их правители так, что нашему народу или государству могло быть вредно, чтобы они не сделали такого распоряжения, что нашим правителям могло не понравиться, хотя это распоряжение относилось бы и не к нам, а к другому государству, с которым мы соседи или имеем дела. Жили эти посланники и послы, да и теперь живут, чтобы не ударить лицом в грязь перед посланниками и правителями других государств в купленных нашим государством за счет казны дворцах (таких хоромах, что только ахнуть можно от удивления), а эти дворцы содержатся за счет нашего народа. Все посланники получают такое

жалованье, что на жалованье одного из них могла бы прожить целая деревня в сто, двести дворов. От казны русской они еще получают деньги, чтобы устраивать пиры, обеды, ужины да завтраки тем царям с их семействами и правителям в той стране, где они находятся, а так же и посланникам других государств, которые присланы, как и наши, в эту столицу. На такие пиры посланники не скупятся и задают их по нескольку в год. „Не свои мол трачу деньги, а русского народа. Казна матушка богата. Мало будет, еще потребую, а за то и сам и свою семью угощу, да еще перед всеми других царств посланниками похвастаюсь, вот как мы русские, пиры то умеем задавать". И чего только на этих пирах не бывает, каких яств, каких заморских вин, рыб, дичи, да сластей не наставлено? Зимой, около каждого гостя из живых цветов букеты поставлены, да всех затей и не опишешь, а все это делается на взятыя с народа его трудовыя денежки. Один обед, завтрак или ужин стоит столько, что на эти деньги могла бы прокормиться деревня целый год из ста дворов.

При каждом посланнике есть его помощники и целая куча чиновников, человек 30—50.

В Питере еще около тысячи человек всякой важности чиновников содержатся, которые ведают все дела до других государств относящиеся. Толку от всех этих посланников и чиновников, как нашему народу, так и другим от своих, мало, а вреда много: они то всегда и затевают ссоры между собой и правителями других стран. Хотят показать, что не даром во дворцах живут, всякия явства едят, да громадные жалованья получают, вот они и ищут к чему друг к дружке можно придраться. Смотришь от их споров, сыр-бор и загорелся. Они то и об'являют войну, а народы потом и дерутся друг с другом, как безумные.

Если не хотите, чтобы немцы, японцы и другие народы шли на нас войной, а нас русских, наши правители посылали на других народов войной, то не да-

вайте ни копейки никакому правительству, и не позво-
ляйте, чтобы ваших детей брали в солдаты и не нани-
майтесь в солдаты, чтобы вам за это не предлагали.

Нужно только знать, что от одних налогов и пош-
лин, которые прямо с народа берутся, можно просто
отказаться: „не хотим мол платить да и только". Сов-
сем другое дело налоги, которые называются косвен-
ными, которые правители берут иным способом. Косвен-
ными эти налоги называются потому, что у всех они
не прямо из кармана вынимают, а незаметно, как жу-
лик карманный потихонько из кармана или пазухи
денежки крестьянские вытаскивает. Хочешь мол поку-
пай и плати, а хочешь не бери товара и продуктов
никто тебя не неволит и платишь ты не казне, а купцу,
но это одни разговоры, что платишь ты добровольно:
без спичек, керосина, сахара, соли, гвоздя, топора, косы,
ситца не обойдешься, да и табачек, если привык ку-
рить, и чай, если привык его пить, не обойдешься, а
покупая все это, заплатишь казне. Такой сбор казна
берет со всякого фунта добытого керосина, коробки сде-
ланных спичек, с фунта сахара. Сбор этот берется от
тех заводчиков и фабрикантов, которые выделывают те
вещи, какие обложены налогом. Этот сбор обыкновенно
бывает гораздо дороже, чем стоит сам керосин, спички
и сахар. Купец же его полностью перелагает на покуп-
щиков, так что если ему выделыванье керосина стоит
теперь, положим, 5 коп. фунт, а налог на фунт 15 коп.,
то он его не продаст дешевле 25 коп. фунт., чтобы
сверх всего и себе иметь барыш. Есть еще многое мно-
жество и других косвенных налогов.

Положим, купил мужик ситцу себе на рубаху и
и жене на платье и ему и не вдомек, что для того,
чтобы сделать ситец, фабрикант купил в чужой стране
машину для выделывания ситца. Казна с него за эту
машину на границе взяла пошлину, называемую тамо-
женным сбором, целых пять тысяч рублей, а фабрикант,
чтобы покрыть расход и иметь барыш наложил на каж-
дый аршин ситца по несколько копеек. И выходит, что

за машину то, таможенного сбора заплатят крестьяне, да рабочие, которые носят ситец. Так же точно казна берет пошлину, на границе и за чай и за кофе и за лимон купил-ли крестьянин себе самовар, гвозди, купил кузнец кусок-ли железа, смотришь, а они уже заплатили казне пошлину, что горной податью называется, и за медную и за железную руду. Послал-ли крестьянин письмо, за почтовую марку отдай казне. Подал-ли прошение, гербовую марку потребовали, зашел ли на ярмарке в балаган или в другое такое место в городе посмотреть представление, заплатил за входной билет, а вместе с тем и пошлину казне заплатил; купили ли сапоги, тоже пошлину заплатил и так почти за всякий шаг крестьянину приходится платить.

Другие скажут, да ведь все платят пошлины, так что со всех казна получает; и с купца, фабриканта, домовладельца и чиновника. Да, правда, казна берет и с них, но только фабрикант, заводчик, домовладелец получает в несколько десятков, а то и сотен раз больше, чем крестьянин или рабочий, а ест, пьет и одевается не в несколько десятков раз больше—ведь у него такой же желудок, как и крестьянина, одежду он даже, пожалуй, снашивает еще меньше, чем работающий руками крестьянин; да и материал богатый человек может изжить самый дорогой и прочный, а все знают, что дорогой прочный материал настолько долго носится, что обойдется дешевле дешевого и быстро снашивающего материала. Ситцу он не сносит больше, чем крестьянин, спичек потратит и табаку выкурить не в десять раз больше, а потому крестьянам и рабочим эти налоги очень тяжелы, а для купцов, фабрикантов, заводчиков и домовладельцев такие пустяки, о которых и говорить не стоит. Чиновников же содержит казна и сколько бы он пошлин и налогов не заплатил, он получит их от казны же. Кроме того, какие налоги на купцов, фабрикантов, заводчиков не наложили, все они переложат эти налоги на тех, кто покупает то, что они продают. Еще казна и ея заправилы и другими

способами денежки добывают. Когда им деньги нужны а народ не охотно налоги платит, то они выпускают бумажных денег на несколько сотен миллионов рублей. Благо бумажку сотенную им отпечатать обходится не дороже 5—10 коп., а десяти, пяти и трех рублевую не дороже 2 или (3) копеек а платят они за все ими, как будто бы с народа деньги получили. И выходит, что везде у нас такое количество бумажных денег выпущено, что девать их некуда, а всего нужного мало что прежде можно было за 5 коп. купить, за то теперь плати пятьдесят копеек, что десять копеек стоило, за то теперь плати рубль, а то и дороже. Стакан стоил 8 коп., а теперь 1 руб., ситцу аршин 15 коп., а теперь 2 руб. и так все.

У всех крестьян и рабочих у кого были скоплены про запас на черный день, в сберегательных кассах денежки рублей 200, 300, 500, хотя и остались те же 200, 300 или 500 руб., да только это одна видимость, что те же деньги остались, а на самом же деле их стало в десять раз меньше. Если у крестьянина сдохла лошадь или корова, прежде на эти денежки можно было и ту и другую купить и все еще денег немного осталось-бы, а теперь на эти деньги и свиньи не купить. Вот и вышло что правители, выпустив много бумажных денег, этим самым обобрали и тех крестьян и рабочих, которые из последних сил копили и в сберегательной кассе держали деньги.

Если казна так много берет, то может быть она много и даст. При царе на обучение крестьян грамоте, царское правительство давало по 3 коп. на человека в год. Вот и посудите чему можно на эти деньги выучиться. Нельзя от казны ожидать много и в будущем. У них столько своих собственных дел окажется, что и на это едва хватить собранных с народа денег: войско содержать, чиновников, тюрьмы, суды и всех своих заправил. Смотришь для крестьян и рабочих ничего и не останется.

Кроме казны, с крестьян, да с рабочих дерут здорово и купцы, а прежде драли и землевладельцы дерут и разные другие лица. Возьмем хотя такой случай: продал крестьянин осенью конопляное масло, рожь, картофель, свеклу да капусту. Пришлось этому же крестьянину в соседний город на рождественские праздники к сыну приехать. Зашел он в лавку масла конопляного купить и фунт ржаной муки и узнал, что цена на все то, что он осенью продал поднялась больше чем в десять раз и руками развел, как мол так, я же сам продал рожь и хорошо знаю, что берет мельник за то чтобы смолоть зерно, почему же такая цена на муку, на масло и на все остальные овощи? Знающие люди всю эту хитрую механику хорошо об'ясняют, а говорят они так: у крестьян масло конопляное, рожь и все остальное купил приехавший в деревню скупщик по очень дешевой цене и сам на все набавил, так, чтобы на добавку ему с своей семьей можно было бы прокормиться, да еще и на черный день осталось. Все то он продал крупному скупщику, тот тоже самое сделал и продал крупному оптовику, который все купленное свез в город, положил в склады, а на все товары цену набавил и за провоз и на то, чтобы себя с семьей продержать, как богатому купцу полагается, да еще прикащиков с их семействами прокормить, а сверх всего еще и барыш иметь. Есть еще люди, которые по всему городу рыскают и узнают у какого купца в складах, что имеется и сколько и по чем он продает, а также какому лабазнику и мелочному торговцу какие товары нужны и за свои услуги тоже порядочно получают, так что на эту получку сами со своей семьей по барски с прислугами жить могут, а все это ложится новой прибавкой на сельские продукты. Сверх всего этого лабазник и мелочной торговец снова набавляет. Вот и возрасла на все крестьянами доставленные в город продукты цена в десять раз и больше. Тоже самое происходит и со всеми товарами покупаемыми в деревнях крестьянами для своей надобности,

как то: спички, керосин, мыло, топоры, гвозди, ситец, тулупы и все другое.

Позадумайтесь, как на новых началах в деревнях жизнь устроить, чтобы вас ни казна, ни купцы, ни фабриканты, ни заводчики не обирали, чтобы вы жили по вольной волюшке, сами никого не обижали и себя в обиду никому не давали.

Многие скажут еще, а как же с лентяями быть, как их заставить работать: от'явленных лентяев и теперь никто не может заставить работать; теперь некоторые из них сидят в тюрьмах, другие милостыню просят, а третьи на капиталы живут.

Когда же все люди станут работать с пользой и для себя и для общества, а капиталы все уничтожатся, то мнение общества будет иметь большое значение и это многих лентяев принудит начать работать, и потом у них появится привычка к труду и они сами будут рады, что избавились от лени, а если несколько лентяев и окажутся неисправимыми, то и пусть они на счет общества живут. Ведь теперь общество, кроме таких лентяев, содержало большое количество чиновников, помещиков, войско и всяких купцов, прикасчиков и всякого рода прихлебателей. Не об'едят весь народ сотни лентяев, когда народ содержал сотни тысяч ничего полезного не делающих людей. Одно можно указать вам правильное: не заводите и не пускайте к себе никакого начальства ни назначенного, ни вами самими выборного, а сами сообща все дела свои решайте. Избавились вы от исправников, земских, становых, урядников и стражников и не позволяйте никому ничего подобного завести, как бы новых начальников не назвали — комиссарами или как иначе. Устраивайте вольные общины и соединяйте одну общину с другой свободным союзом. Чем большее число волостей соединится в союз, тем сильней вы будете, тем лучше у себя все сможете устроить, но не принуждайте и тех, кто не пожелал к вольной общине присоединится: пусть себе отдельно живет; посмотрит, увидит, что жизнь у

вас пошла хорошо, сами к вам в союз проситься станут.

Если понадобится для чего либо выборный то выбирайте толкового, да правдивого человека, но и ему ни власти и никаких прав решать дел не давайте; пусть вам сообщит, что хочет делать, а уж мир решит, как следует. Мир великий человек.

Те губернии, которые плотников, каменьщиков, штукатуров, да маляров посылали, пусть посылают их не по одиночке, а артелями, а эти артели пусть соединяются в союзы с другими артелями, а в кабалу к подрядчикам идти не зачем. Так и для вас, да и для всей России будет лучше и легче жить.

Перестаньте платить какому бы то ни было правительству налоги. Но лучше всего сделаете, если совершенно откажетесь принимать какие бы то ни было деньги, а то пока будете платить деньги и продавать все за деньги, то всегда у вас две трети того, что сделали, отойдет другим, а сами получите меньше трети того что сами сделали. Вам нужны гвозди, сковороды, утюги, кастрюли, вилы, топоры, грабли, плуги, жатвенные машины, сеялки, молотилки, получайте от союза металлистов или от металлического завода, а сами ему вместо того посылайте рожь, овес, картофель, морковь, свеклу, капусту, молоко, сливки, яйца, масло и многое другое. Вы сорганизуйтесь в коммуну земледельческую, а рабочие металлисты — в заводскую, от них вы все нужное вам, получите и в свою очередь дадите им нужное; а с ткацкой фабрики, получите за хлеб и овощи, ситец, фланель, бумазей, парусину и многие ткани. Таким способом, будет происходить обмен многих предметов и продуктов. Положим, северные земледельческие коммуны пошлют на юг клюкву, морошку, бруснику, а с юга получат апельсины, персики. Чем дальше, тем больше будет союзов, тем более разнообразно можно будет друг друга поддерживать.

Как хорошо можно жить, организовавшимся в вольные общины (коммуны) видно из того, как устроились в Америке наши духоборы. Лет пятнадцать тому

назад, они приехали туда, ничего не имея. Пахали плугом, запрягаясь в него сами, а теперь у них там, тысячи десятин возделанных полей, громадные сады, огороды, парники, молочное хозяйство, птицеводство. Хозяйство их оценивается в несколько десятков миллионов рублей и все это сделано за такое непродолжительное время, дружной совместной работой. Не деля ничего, а об'единяя все вместе. Пашут они теперь свои поля не лошадьми, а особыми автомобилями. Построены великолепные дома, по желанию и для общего жилья и для отдельных семейств.

Кто желает так же устроиться, но сомневается, возможно ли это, пусть пошлет туда ходоков, чтобы они посмотрели и поучились у духоборов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Анархическое Книгоиздательство

„ВОЛЬНОЕ БРАТСТВО“.

Харьков, Московская ул., № 1.

Вышли из печати:

П. Кропоткин. — Взаимная Помощь.
Его-же — Нравственные начала Анархизма.
Жан-Грав. — Будущее Общество.
Сборник статей. — Хлеб и Воля.
Н. Остробский. — Нужно-ли делить землю и хлеб?
Вольный общинник Григорий. — Как надо устроить крестьянское хозяйство и вольную жизнь? И др. издания.

В магазине книгоиздательства

„ВОЛЬНОЕ БРАТСТВО“

Также имеется Анархическая литература выпущенная другими издательствами.

Цена 5 руб.

Типография аренд. Анархическим Книгоиздательством „Вольное Братство“.